

СТЕРЖЕНЬ ЖИЗНИ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВОЛЯ – НЕВОЛЯ.

- Дальше, дальше ... Он помолчал.

А дальше была весна, шел тяжелый, голодный тридцать первый...

У Фаиньки от маменьки осталась большая вязаная шерстяная шаль, с которой она не расставалась никогда. Даже на пересылке, когда тетка пыталась забрать, Фаинька закатила такой концерт, что пара милиционеров, которые боролись с ней, отступили.

- Да ну её, падучую! Бешеная какая-то!

А Файка разошлась! Ей виделось, что все беды - из-за них. Они что - не понимают, что это мамино? Это маменька ей везла ночами. И говорила:

- Вот, доченька, зима наступит, а у тебя шалька есть, мяконькая такая. Как ты, тепленькая и легонькая. Головушка-то в тепле, да и умок хранится! Все память - то мамкина будет. Кто его знает, что дальше-то.

Вот и сгодилась шалька-то. Бежали с детдома ребяташки. Не всем везло, многих ловили, вертали. Те, кто вернулись, рассказывали. В городе тоже голодно, но на базаре и около «крепких» домов прокормиться можно, да и мир не без добрых людей. Правда, боязно, голод людишек до греха доводил. Поговаривали, что люди - людей едят! Особо тех, кого никто не ищет. Но все одно - бежали.

Я слушал. Мотал на ус. Говорил с сестрой. Конечно, страшно было. Она ведь на годок младше меня. Не знаю, почему, но решили бежать. Да и мысль была: "а вдруг своих найду". Из детских воспоминаний брезжила одна фраза, мамкой как-то брошена:

- Дядька у нас есть. Крепкий мужик. Если совсем невмоготу будет, ищите в городе. Правда, в каком городе - не помню. Но

- Постой здесь, Я пацанов приглядел. Поговорить надо.

- А ты меня не бросишь?

- Я!? Тебя? Ты что, совсем дура? Я ж без тебя и шага не сделаю. Сказал - стой! Жди!

Так потихонечку, помаленечку познакомились мы с такой же разношерстной местной, а скорее, не местной, а сбродной шпаной. Правда, с Фаинькой возникали в первое время заморочки. Но когда случалось, было надо - лучше ее слезливого выражения лица не работали никакие доводы.

Конечно, на базаре пропитаться было легче: где что стащишь, где кто подаст, а где что выбросят. Но выбрасывали, конечно же, не совсем хорошее, скорее, даже нехорошее, но пригодное в пищу нам. Каждый вечер на базаре проходили проверки и даже облавы. Мы про это знали и заранее готовились. Оповещали друг друга повсеместно, что бы ни случилось и по любому поводу. Компаний таких было несколько. Жили не то что бы дружно, но мирно и чужим в обиду не давали. В двух противоположных сторонах базара от входа были изготовлены тайные проходы в виде подкопов. В случае, когда кто-то замечал облаву, объявляли «шухер» и в течение нескольких секунд базар освобождался от беспризорников. Ловили только одиночек или чужаков, пожелавших пожить на нашей территории. Спали летом, как правило, под прилавками. Под прилавками в течение дня сбились толстый слой пыли. Пыль хорошо прогривалась, и если ее разгрести, вдоль прилавка полу-



ших денег. Видимо, он собирал деньги для семьи, торгуя на базаре фруктами, а сам голодал?! Конечно, в этот день мы купили хлеба и наелись. То был маленький праздник! Теперь, вспоминая этот случай, я часто задумываюсь о судьбе: как она бывает несправедлива к нам, порой жестока, коварна, а порой милостива не по заслугам. Так незаметно пролетело жаркое лето. Наступила осень. Стало прохладно, пошли дожди, ночевать было негде, мы решили сдать в руки милиции. В очередную облаву нас поймали. Привезли в приемник, переписали, помыли, переодели в казенную одежду и привезли в детдом. Там ничего не изменилось, правда, кормили лучше. Поменялись несколько воспитателей, сделали деревянные нары, выдавали постель. Стали учить грамоте. Занимались все вместе, те, кто немного умел читать, и те, кто не знал алфавита.

Вечером того дня к нам на сенокос пожаловал мужик из соседнего села, что располж-

